— ...Бли-и-ин, все же ты такой жадина!

— Ты не обижайся, Вась, но я бы тебе не доверил даже поношенные кеды, не то что хрупкие микросхемы.

— Да будет тебе, Ванюх! Мне батя за эту неделю так ничего путнего и не подарил, а тебе их целую коробку с рынка подогнали! Я возьму ущерб, случись с ними чего, обещаю!.. Никит, ну ты хоть ему скажи, а?!

Я понял, что теперь некто обращается ко мне лишь после того, как мои плечи ощутили давление чьих-то крохотных ладоней.

Но даже тряска картины пред моими глазами не желала выводить меня из оцепенения. Меня словно сковали по рукам и ногам; в голове что-то противно клацало и свистело, создавая невыносимую какофонию, пронизывающую сознание в самый его корень; я чувствовал, как капелька пота сорвалась с подбородка и отправилась в непродолжительный полёт в сгущающую вокруг тьму...

— ...кита? Никита!

Видимо, растеряв всякое терпение, кто-то орал мне под самое ухо, вынуждая вжать уши и пожелать забиться куда-нибудь подальше... пускай даже и в самую грязную и тёмную нору в этой богом забытом мире.

Звонкий удар сердца.

За ним ещё один.

И ещё...

Моргнув разок, я в недоумении развернулся к нарушителю своего спокойствия, отчего-то трясущего меня, словно я долгое время не желал обращать на того внимание.

— Хорош уже, отпусти, — недовольно пробормотал я другу. — Ванюха прав, ты не умеешь обращаться с техникой. В который раз уже ты свою приставку ремонтнику носил, не напомнишь?

— Всего-то раза три было, — насупился Василий, скрепя руки на груди, тем самым демонстрируя уверенность в собственной непогрешимости всем возможным видом. И в это, может быть, даже и верилось, если бы не горький опыт нашей маленькой дружной компании. — Она просто на полу лежит, вот я её и задеваю периодически ногой...

— Так убери технику с пола, дурик! — воскликнули в унисон мы с Иваном, отчего тут же хором и расхохотались.

— Короче, — покачав головой, вынес свой вердикт Иван. — Я одолжу тебе три картриджа, не более. Сломаешь — купишь мне такие же, усёк?

Тот, расплывшись в счастливой улыбке, энергично закивал, взирая на друга блестящими глазами, словно перед ним предстало невиданное доселе божество. Я в свою очередь не преминул того легонько ткнуть в плечо, мол «не забывай людской доброты», и неспешным шагом проследовал за Иваном в подъезд его одиноко стоящей посреди деревьев пятиэтажке — единственной в этом месте и непонятно зачем возведённой.

Наш посёлок нельзя было назвать деревней, хотя и до города ему, как до Китая ползком: его можно было условно разделить на городскую и сельскую половинки, где каменные "высотки" резко переходили в простенькие деревянные коттеджики. С три десятка трёх-четырёх-пятиэтажек, аккуратно расположенных вдоль главной дороги вперемежку с парой продуктовых магазинчиков и аптекой. Впрочем, «главная» она скорей потому, что единственная мощёная — городские каменные дома отстроили в тупичке, где дорога заканчивалась перед массивными воротами, ведущими непонятно куда: одни говорят, что там простая лесопилка, другие — какое-то особо секретное предприятие, судя по строгой пропускной системе. Хотя ребятня, вроде нас, периодически туда пролезала через дыры в заборе и тихонько наблюдала с опушки леса, чьи границы довольно близко располагались к тракторам и самосвалам. Так или иначе, но большая часть домов возведена была в одном месте... и непонятно кто додумался отстроить единственную пятиэтажку здесь, аккуратно между поликлиникой и школой, последняя из которых вообще была окружена лесом. И осваивать те территории явно не спешили. Ну, зато кислорода больше — нам всяко выгода.

Мы весьма резво поднялись на четвёртый этаж, и Иван, перейдя на полушёпот, серьезно бросил через плечо, пока возился с ключами:

— В темпе разбираем, а то отец сегодня злой, как собака... Без лишнего шума, в общем.

Оба пожали плечами — у того и впрямь отец был лютым зверем, когда приходил домой не в духе. Доподлинно неизвестно, чем он занимался на рынке, что через две станции от нашего посёлка, но почти всегда умудрялся приволочь оттуда что-то интересное, чем Иван без особых трудностей делился и с нами, чьи родители сильно уступали в плане материального обеспечения своих чад. Что поделат, конец девяностых-начало нулевых, как никак, — возможность набить брюха досыта уже воспринималось как великое счастье.

Не меньшим счастьем оказалось и то, что топтаться на лестничной площадке нам пришлось недолго: Иван показался из-за двери уже через минуту, поставив перед нами внушительного размера картонную коробку, набитую чёрными пластиковыми коробочками с шестнадцатибитными картриджами. Как-то странно сложилось, что весь посёлок был преимущественно владельцем приставок «SMG», а не более дешёвой и доступной «Дэнди» — по крайней мере так в России все именовали восьмибитную «NES», — что позволяло нам беспрепятственно обмениваться картриджами с другим её владельцем. Если таковой

заслуживал доверия, разумеется: случаи "зажатия" имели место быть... и не редко. Благо мерзавца всегда можно было отыскать и воздать тому по заслугам: кулаками или доносом родителям — все средства были хороши, когда речь шла о чём-то ценном. А картриджи у нас были на вес золота.

— Не берите только то, во что я сам пока не поиграл, — поспешил вставить Иван, когда мы налетели на коробку, словно саранча в голодный год. Строго взглянув на Василия, он добавил.
— Я же сказал, что только три.

— Бли-и-ин, так ты не шутил? — надулся тот, но тем не менее послушно выпустил из рук "лишние" пять коробок. — Зануда.

— Никит, давай тоже пошустрее, уже стемнело, — проигнорировав причитания товарища, Иван перевёл взгляд на меня.

— Да мне, вроде как, ничего пока и не нужно, — пожал я плечами, лишь из любопытства пройдясь ладонью по лежащим на поверхности пластиковым чёрным коробочкам. — Тем более, ты ведь знаешь — я в абы что не играю. Мне сперва нужно нормально поглядеть, подумать, без суеты...

— Ладно, как знаешь.

Дождавшись, пока Василий утвердит свой выбор окончательно, Иван без особых усилий поднял коробку с пола — в свои четырнадцать он был аномально крепок и хорошо сложен... аж зелёная зависть брала, — и, крадучись, вернулся в квартиру, распрощавшись с нами в самый последний момент перед закрытием двери. Мы понимающе пробормотали слова прощания: уже и впрямь темно и следовало поспешить домой.

Стоило выйти наружу, как нас моментально пробрало пронёсшимся мимо холодным ветерком: как никак, конец марта, ещё кое-где даже снег до конца не сошёл, напоминая нам об ушедших новогодних празднествах.

— На сегодня, значит, всё? — как-то неуверенно протянул Василий, крепко сжимая у груди три коробочки с картриджами и нервно постукивая по ним указательными пальцами: он всегда так делал, когда что-то затевал.

— Говори уже прямо, — нахмутив брови, требовательно буркнул я.

— Ну... — начал тот неуверенно переминаясь с ноги на ногу. — Короче, я тут одну любопытную стратегию нарыл, но ты знаешь — я в них не силён. Я и подумал, что может мы вдвоем её быстрее освоим, а?

— Время-то уже позднее, — задумчиво протянул я, закатывая левый рукав куртки. Но запястье

было голым, хотя готов был поклясться, что сегодня утром привычно нацеплял старые отцовские часы. — Чёрт, профукал, что ли, где?.. — Почесав затылок, я опомнился. — Неважно. Только провожать домой не буду — мои уже не выпустят меня обратно.

— Да без проблем, — искренне улыбнулся паренёк. — Мне ведь всего-то через дорогу пробежать. В крайнем случае заночую у тебя, завтра ведь воскресенье.

— И то верно, — не стал спорить я. — Ну пошли, горе-мученик. Только не жди, что я тебя буду ещё и кормить.

Хохотнув, я сорвался с места и в припрыжку понёсся по проселочной дороге, не обращая внимание на причитания отстающего друга. Конечно, я его дурачил — мои родители всегда были рады моим друзьям, ведь те старались вести себя прилежно под чужим надзором. И готовили "предки" всегда с запасом, поскольку семья достаточно большая и отдельные её члены возвращались домой в хаотичном порядке — мать была единственной, кто работал строго по графику, в отличие от отца и бабушки, которые могли прийти как рано днём, так и глубоко за полночь. А сегодня бабушка как раз картошки целый мешок приволокла... Да-а-а, с ужином определённо проблем ничего не предвещало, можно будет и уступить порцию.

Решив не терять время, мы свернули направо, в сторону школы — там была протоптанная тропинка, ведущая в городскую часть посёлка через окраину леса, мимо немногочисленных дачных домиков с огородами. В столь поздний час строго возбранялось пользоваться этим маршрутом, поминая случаи нападения диких собак или просто подвыпивших бродяг. Но что взрослому опасения, ребёнку — авантюра и приключение. Тем более, что за четырнадцать лет жизни волей-неволей изучишь местность — хоть с закрытыми глазами гуляй. Разумеется, я утрирую... но истина, как известно, где-то недалеко.

Завывания разбушевавшегося ветра нагоняли жути и без того мрачное окружение: покосившиеся деревянные заборчики, где поскрипывали незапертые калитки, отбрасывали уродливые тени от успевшей засиять среди облаков полной луны; грязь хлюпала под подошвой, вызывая опасения увязнуть в ней напрочь — бывало и такое, хоть и единичные случаи; мягко покачивающиеся ветки близстоящих деревьев заставляли ускорить шаг, раззадоривая и без того разыгравшееся воображение со всякими убийцами и маньяками, что вот-вот выпрыгнут из-за угла и...

Мы оба облегчённо выдохнули, когда ноги вновь почувствовали твёрдость асфальтового покрытия — тёмные закоулки дачных домиков остались по правую руку, — и расслабленным неспешным шагом уже пересекали небольшую, и оттого хорошо освещённую уличными фонарями, парковку рядом с одной из пятиэтажек. Мой дом был виден отсюда даже невооружённым глазом, учитывая, что огоньки окон доходили аж до школы, пускай обзор и загораживали немногочисленные, но разросшиеся ввысь деревья.

Второй подъезд. Дверь не заперта, как и везде. Усталый подъём на третий, последний этаж. Бряцание ключей, дабы не тревожить домочадцев чрезмерно громким звонком. Наконец-то...

— Я дома, — сдержано окликнул я присутствующих родственников, переступая порог и жестом приглашая товарища войти. — Со мной Вася, можно ему остаться сегодня?

— Мать моя женщина, — донеслось с кухни, откуда веяло приятным ароматом парёного картофеля и звучало шипение чего-то мясного на масле. — Ты где шляешься, негодник?

— Прости, ба, — виноватым тоном протянул я в ответ. — Мы потеряли счёт времени.

— Ну проходите, отогревайтесь, — снисходительно бросила бабушка, так и не оторвавшись от плиты. — Василий, ты голоден?

— Очень! — довольно отозвался тот, что мне пришлось мгновенно его осадить, чтоб так не орал. У нас стены тонкие — шуметь не принято. Потирая затылок, парнишка уже тише добавил: — Спасибо за гостеприимство.

<http://tl.rulate.ru/book/103064/3570439>